

Стефани Майер

Новолуние

Посвящается моему отцу, Стивену Моргану.

Ни один человек на свете не дарил мне столько любви и поддержки.

Папа, я тоже тебя люблю.

У бурных чувств неистовый конец, Он совпадает с мнимой их победой.
Разрывом слиты порох и огонь, Так сладок мед, что наконец и гадок:
Избыток вкуса отбивает вкус. Не будь ни расточителем, ни скрягой: Лишь в
чувстве меры истинное благо. "Ромео и Джульетта", акт 2, сцена 6, пер.
Б. Пастернака

Пролог

Похоже, меня засосало в один из жутких кошмаров, в которых бежишь, бежишь так, что легкие разрываются, — а скорости все равно не хватает. Ноги двигались все медленнее и медленнее, я пробиралась сквозь безжалостную толпу, но стрелки часов на огромной башне не останавливались ни на секунду. С беспощадной стремительностью они лишали меня последних крупниц надежды.

Однако это не сон, не кошмар, и бежала я не ради себя, а хотела спасти нечто несравнимо более дорогое. Моя жизнь в тот момент не значила практически ничего.

Элис сказала: вполне вероятно, мы обе погибнем. Все сложилось бы иначе, не сдерживай ее ослепительный солнечный свет, а так через раскаленную площадь могла пробираться лишь я.

И то недостаточно быстро.

Вокруг смертельно опасные враги, но разве это сейчас важно? Когда часы начали бить и площадь под моими усталыми ногами задрожала, я поняла: поздно. И даже обрадовалась, что скоро погибну. Зачем жить, раз не успела и проиграла?

Снова раздался бой часов... Стоящее в зените солнце нещадно палило.

Глава первая

Вечеринка

Я была на девяносто девять процентов уверена, что сплю.

Уверенность основывалась, во-первых, на том, что ярко светило солнце. Такого вечно хмуром, залитом дождями Форксе, куда я недавно переехала, не было никогда. Во-вторых, передо мной стояла бабушка Мари. Она умерла шесть лет назад, и в том, что я сплю, не оставалось ни малейших сомнений.

Бабуля не изменилась: кожа на лице мягкая, морщинистая, тысячей мелких складочек натянутая на округлый череп. Совсем как печеное яблоко с пышным облаком седых волос.

Наши губы одновременно изогнулись в удивленной полуулыбке.

Старушка явно не ожидала меня увидеть.

Вопросов накопилась уйма: что она делает в моем сне? Чем занималась последние шесть лет? Встретилась ли с дедушкой? Как он?

Бабуля открыла рот одновременно со мной, и я решила: пусть заговорит первой. Но Мари тоже молчала, и мы смущенно улыбнулись друг другу.

— Белла!

Позвала меня вовсе не бабушка — мы синхронно обернулись посмотреть, кто к нам присоединился. Вообще-то я могла даже не оборачиваться: этот голос я узнала бы везде, узнала бы и откликнулась и во сне и наяву... наверное, даже после смерти. Ради этого голоса я пошла бы в огонь, воду или, более прозаично, целый день брела бы под мелким холодным дождем.

Эдвард!

Вообще-то я всегда радовалась, видя его, однако сейчас, даже уверенная, что сплю, я запаниковала, когда Эдвард двинулся к нам под палящим солнцем.

Ведь бабуля не знает, что я люблю вампира; вообще никто не знает. Как же объяснить, что солнце сотней тысяч радуг отражается от кожи Эдварда, будто его посыпали хрустальной пылью или алмазами?

Ну, бабуля, заметила, как переливается мой бой-френд? На солнце так всегда, не беспокойся...

Что Эдвард творит? Он специально обосновался в Форксе, где осадков выпадает больше, чем на всей территории Соединенных Штатов, чтобы выходить на улицу днем, не выдавая семейного секрета. А сейчас шествует ко мне с обворожительной улыбкой, словно на раскаленной площади больше никого нет.

Эх, почему на меня не распространяются его удивительные способности, почему мои мысли он не слышит отчетливо, как произнесенные вслух слова? Жаль, что не слышит он и предупреждения, которое я мысленно выкрикиваю.

Бросив испуганный взгляд на бабулю, я поняла, что снова опоздала: в глазах Мари тревога.

Эдвард, по-прежнему улыбаясь так, что мое сердце готово разорваться и выпрыгнуть из груди, обнял меня за плечи и посмотрел на старушку.

Однако Мари, вместо того чтобы ужаснуться, взглянула на меня робко, будто ожидая нагоняя. А поза... одна рука вытянута вперед и обнимает пустое пространство. Можно подумать, она держится за кого-то, кого-то невидимого...

Только потом, вблизи, я увидела вокруг бабули золотую раму и, по-прежнему ничего не понимая, протянула ей навстречу руку. Мари, словно копируя меня, сделала то же самое. Но наши пальцы не встретились, я коснулась холодного стекла.

Р-раз — и мой странный сон стал кошмаром.

Это не бабушка Мари.

В зеркале мое отражение. Это я — древняя, увядшая, морщинистая.

Эдвард в зеркале не отражался, хотя и стоял рядом, нестерпимо обворожительный и навсегда семнадцатилетний.

Красивые холодные губы прижались к моей щеке.

— С днем рождения! — прошептал он.

Я резко проснулась — глаза распахнулись, будто обладая собственной волей, — и вздохнула с облегчением. За окном вместо ослепительного солнца — до боли знакомый серый свет пасмурного утра.

«Это сон, — прошептала я, — просто сон, в какой-то степени пророческий», — и, не успев прийти в себя, чуть не подпрыгнула — зазвонил будильник.

Маленький календарь в углу дисплея сообщил: сегодня тринадцатое сентября, мой день рождения, мне исполнилось восемнадцать лет.

Этого дня я с содроганием ждала несколько месяцев.

Целое лето — самое счастливое в моей жизни, самое счастливое во всей истории человечества — унылая дата маячила на горизонте, предвкушая свой эффектный приход.

Теперь, когда этот день наконец настал, я чувствовала себя старой. Конечно, я старела ежесекундно, но сегодня старости придали некий официальный характер: мне исполнилось восемнадцать.

А вот Эдварду восемнадцать никогда не будет.

Посмотрев в большое зеркало ванной комнаты, я даже удивилась, не заметив перемен в лице. Разглядывая оливковую кожу, я пыталась обнаружить признаки первых морщин.

Это просто сон, напомнила себе я. Просто сон... а еще настоящий кошмар.

Чтобы скорее выбраться из дома, я пропустила завтрак. С папой мы все-таки столкнулись, так что целых пятнадцать минут я честно пыталась радоваться подаркам, которые просила не дарить, и чуть не плакала, вымучивая улыбку.

С трудом взяв себя в руки, поехала в школу. Лицо бабушки — о том, что это я, лучше не думать — не шло из головы. На душе было совсем скверно, пока я, припарковавшись на знакомой стоянке средней школы Форкса, не заметила Эдварда, застывшего у серебристого «вольво», словно мраморная статуя языческого бога. Так что сон всего лишь отражал реальность.

Отчаяние тут же сменилось удивлением. Мы встречались с Эдвардом целый год, а я все никак не могла поверить в свое счастье.

Рядом с братом стояла Элис Каллен.

На самом деле Элис с Эдвардом никакое родство не связывает (в Форксе считают, что их обоих усыновили доктор Карлайл Каллен и его жена Эсми, оба, вне всякого сомнения, слишком молодые, чтобы иметь детей подросткового возраста), но кожа у них одинаково бледная, в темных глазах тот же золотой отлив, и под ними круги, похожие на багровые синяки. Лица у брата с сестрой пугающе красивые; для посвященных, например для меня, поразительное сходство — отметина, указывающая на их сущность.

Увидев Элис — золотисто-карие глаза блестят от волнения, руки сжимают маленький серебристый сверток, — я нахмурилась. Говорила же: на день рождения не хочу ничего, абсолютно ничего: ни подарков, ни других знаков внимания. Похоже, меня никто не услышал...

Захлопнув дверцу старенького пикапа, я направилась к Калленам. Элис бросилась навстречу; ее бледное лицо эльфа так и сияло под задорным ежиком иссиня-черных волос.

— С днем рождения, Белла!

— Тш-ш! — прошипела я, с тревогой оглядываясь по сторонам: не дай бог, кто-нибудь услышит. Мне совсем не хотелось отмечать эту черную дату.

На мой хмурый вид девушка не обратила ни малейшего внимания.

— Откроешь подарок прямо сейчас или по том? — беззаботно спросила она, когда мы шли к Эдварду.

— Никаких подарков! — мрачно буркнула я.

Похоже, Элис наконец почувствовала, в каком я настроении.

— Ну, ладно... Тогда потом. Тебе понравился альбом, что прислала мама, и фотоаппарат от Чарли?

Я вздохнула: конечно, Элис знает про мои подарки — в этой семейке удивительные способности не только у Эдварда. Его сестра сразу «увидела» планы моих родителей.

Да, очень!

— По-моему, здорово придумано! Восемнадцать бывает только раз в жизни, можешь документально запечатлеть день своего совершеннолетия!

— А сколько раз тебе было восемнадцать?

— Ну, я другое дело!

Эдвард совсем близко, вот он протянул руку. Я тотчас ее пожала, на мгновение забыв о своем унынии. Его кожа, как всегда, гладкая, упругая и очень холодная. Заглянув в тигриные, цвета жидких топазов глаза, я почувствовала, как судорожно сжалось сердце, а Эдвард, уловив мой бешеный пульс, снова улыбнулся.

Прохладные, как осеннее утро, пальцы очертили контур моих губ.

— Значит, я не имею права поздравить тебя с днем рождения?

— Ага, точно. — Копировать его безупречно поставленную, с паузами и логическими ударениями речь у меня никогда не получалось. Наверное, такой речи можно было научиться только в прошлом веке.

— Решил на всякий случай уточнить. — Каллен взъерошил бронзовую

гриву. — Вдруг ты передумала? Людям, как правило, нравятся дни рождения и подарки.

Смех Элис напоминал звон серебряного колокольчика.

— Брось, Белла, тебе тоже понравится! Сегодня все будут потакать любому твоему желанию. Что плохого? — В устах девушки вопрос звучал как риторический.

— Возраст, — все-таки ответила я, и голос предательски дрогнул.

Губы Эдварда превратились в тонкую полоску.

— Восемнадцать — это немного, — заметила Элис. — Мне казалось, из-за таких проблем начинают волноваться после двадцати девяти.

— Немного, но больше, чем Эдварду, — пробормотала я.

Каллен вздохнул.

— Практически только на год, — как можно без заботнее проговорила я.

Вообще-то... будь я уверена в желанном для меня будущем, уверена, что навсегда останусь с Эдвардом, Элис и остальными Калленами (хорошо бы не в облике сморщенной старухи), плюс-минус один год особой роли бы не сыграл. Но Эдвард категорически возражает против любого способного изменить мою сущность будущего, которое уподобит меня ему и сделает бессмертной.

Словом, тупик, как он сам часто говорит.

Если честно, его позицию я совсем не понимаю. Какие плюсы у смертности? Быть вампиром, по крайней мере таким, как Каллены, совсем неплохо.

— Когда будешь дома? — решив сменить тему, поинтересовалась Элис. Судя по выражению ее лица, она думает о том, чего я искренне надеюсь избежать.

— Разве я что-то запланировала?

— Да ладно тебе, Белла! — не выдержала сестра Эдварда. — Неужели испортишь нам все веселье?

— Мне казалось, день рождения проходит так, как желает именинник!

— Сразу после школы я ее заберу, — пообещал Каллен, начисто игнорируя мое присутствие.

— У меня ведь работа! — возразила я.

— Уже нет, — самодовольно заявила Элис. — Я договорилась с миссис Ньютон. Она меняется с тобой сменами и поздравляет с днем рождения.

— Н-не м-могу праздновать. — Заикаясь, я спешно придумывала отговорку. — Мне... «Ромео и Джульетту» для литературы нужно посмотреть.

— «Ромео и Джульетту» ты знаешь чуть ли не наизусть, — фыркнула девушка.

— Мистер Берти считает, что нужно обязательно увидеть постановку. Мол, шекспировское произведение задумывалось именно как зрелище.

Эдвард закатил глаза.

— Ты уже смотрела фильм! — напомнила Элис.

— Да, но современный, а не шестидесятых годов. По мнению мистера Берти, та экранизация — самая лучшая.

— Знаешь, милая, не мытьем, так катаньем, но ты... — разозлилась девушка, мгновенно потеряв всю самоуверенность.

— Успокойся, Элис, — прервал гневную тираду Каллен. — Раз Белла хочет, пусть смотрит фильм, это же ее день рождения.

— Вот именно, — вставила я.

— К семи я ее привезу, — продолжал Эдвард, — так что у тебя будет больше времени все приготовить.

— Да, здорово! — снова засмеялась Элис. — До вечера, Белла! Тебе понравится, вот увидишь!

Широко улыбнувшись, девушка обнажила ровные блестящие зубы и, прежде чем я успела ответить, чмокнула в щеку и упорхнула на первый урок.

— Эдвард, пожалуйста, — взмолилась я, но он прижал к моим губам прохладный палец.

— Обсудим позднее, на урок опаздываем!

Когда мы заняли свои обычные места на задней парте, никто не обратил на нас ни малейшего внимания (в этом году наши расписания совпадали почти полностью — это необыкновенное одолжение Эдвард сумел выжать из женской части школьной администрации), да и встречались мы слишком давно, чтобы быть объектом сплетен. Даже Майк Ньютон не удостаивал мрачным взглядом, который когда-то внушал мне чувство вины. Теперь он просто улыбался, а я радовалась, что парень наконец сможет стать мне другом. За лето Ньютон сильно изменился: вместо детской пухлости заметные скулы, вместо популярной «площадки» длинная светлая грива — этаким тщательно продуманный беспорядок. Нетрудно догадаться, кто был примером для подражания, однако образ Эдварда так просто не скопируешь.

Как же выяснить, что ждет меня вечером в доме Калленов? Плохо уже то, что придется праздновать, когда на душе настоящий траур, однако самое страшное — подарки и повышенное внимание.

От внимания (тут со мной согласится любой недотепа) вообще одни неприятности. Когда боишься опозориться, совсем не хочется, чтобы на тебя смотрели во все глаза.

Я ведь ясно дала понять, скорее даже приказала: в этом году никаких подарков!.. Увы, похоже, моим желанием пренебрегли не только Чарли с Рене.

С деньгами было не особенно густо, но я не беспокоилась. Рене вырастила меня на жалованье учительницы начальных классов, да и работа Чарли к роскоши не располагала — он начальник полиции в крошечном Форксе. На

личные расходы я зарабатывала, три раза в неделю помогая в магазине спорттоваров. В таком городке, как Форкс, для старшеклассницы найти работу — большая удача, и практически каждый цент я откладывала на колледж. (Колледж был планом Б; вообще-то я возлагала огромные надежды на план А, однако Эдвард хотел оставить меня человеком...)

Вот у кого денег хоть отбавляй, столько, что и подумать страшно! Как и для всех Калленов, для Эдварда они не имели никакого значения. Ничего странного, если у тебя есть сестра, обладающая невероятной способностью предсказывать изменения на фондовом рынке. Эдвард не понимал, почему я не позволяю тратить на себя деньги: почему смущаюсь в самом дорогом ресторане Сиэтла, почему отказываюсь от машины, способной развивать скорость больше девяноста километров в час, или подготовительных курсов (естественно, план Б привел его в полный восторг). По мнению моего бойфренда, все это — пустые женские капризы.

Но как я могла что-то принимать, не имея возможности вернуть? По совершенно непостижимой причине Эдварду хотелось быть со мной, и все, чем он одаривал меня помимо этого, еще больше нарушало равновесие.

На протяжении дня ни Эдвард, ни Элис о празднике не заговаривали, так что я немного успокоилась.

Во время ленча мы, как обычно, заняли целый столик, и, как всегда, в нашей компании царило напряженное перемирие. Эдвард, Элис и я устроились с одной стороны, а поскольку старшие и самые грозные на вид Каллены (в первую очередь, конечно, Эмметт) школу закончили, мы были не одни. Мои друзья: Майк и Джессика (уже не влюбленные, но еще приятели), Бен и Анжела (их роман длился с весны), Эрик, Коннер, Тайлер и Лорен (последняя в категорию друзей не входила) — все сидели за тем же столом по другую сторону невидимой демаркационной линии. В редкие солнечные дни, когда Эдвард с Элис пропускали школу, воображаемая граница исчезала, и завязывался общий разговор, в котором я с удовольствием принимала участие.

Эдвард с Элис переносили этот своеобразный остракизм гораздо лучше, чем я, точнее, почти не замечали. В присутствии Калленов людям становилось неловко, даже страшно, по причине, которую они не могли объяснить. На меня это правило не распространялось. Порой Эдвард

переживал, что мне с ним так хорошо: мол, он представляет опасность для моего здоровья, — а я это категорически отвергала.

Вторая половина дня пролетела быстро и незаметно. Уроки закончились, Эдвард, по обыкновению, проводил меня к пикапу, но почему-то открыл пассажирскую дверь. Наверное, на «вольво» уехала Элис, специально.

Сложив на груди руки, я даже не пошевелилась.

— Сегодня мой праздник, ты что, и за руль непустишь?

— Как ты и хотела, я делаю вид, что день самый обычный.

— Раз самый обычный, зачем ехать к тебе домой?

— Ладно, договорились. — Захлопнув пассажирскую дверцу, Каллен открыл для меня водительскую. — С днем рождения!

— Тш-ш! — испуганно зашипела я и села в машину. Ну зачем он обиделся, лучше бы домой отвез!

Пока я выезжала со стоянки, Эдвард крутил ручки радио, неодобрительно качая головой.

— Приемник у тебя ужасный!

Я нахмурилась: терпеть не могу, когда он цепляется к пикапу. Лично я свой транспорт обожаю: у него есть характер!

— Хочешь новый приемник — води свою машину! — Настроение — швах, плюс я сильно переживала из-за планов Элис; в общем, мои слова прозвучали резче, чем хотелось.

Я так редко взрывалась при Эдварде, что мой сердитый тон вызвал лишь сдавленную улыбку.

Мы остановились у дома Чарли, и Каллен нежно прикоснулся ладонями к моему лицу. Умеет он сбить с меня спесь, сделать ранимой. Я чувствовала себя слабой, по крайней мере по сравнению с ним.

— Сегодня настроение у тебя должно быть просто замечательным, — прошептал Эдвард, шелестя свежим дыханием по моей коже.

— А если я не хочу? — буквально задыхаясь от страсти, упрямылась я.

— Очень жаль! — вспыхнули тигриные глаза.

Голова закружилась: Каллен притянул меня к себе и наши губы встретились. Поцелуй — словно глоток живительной прохлады; и наверняка в соответствии с его корыстным планом, я мгновенно забыла все проблемы. Боже, да я с трудом вспомнила, что нужно дышать!

Холодные как лед губы порхали над моими, пока, обняв Эдварда за шею, я не впиалась в него более страстным, требовательным поцелуем. Каллен тут же отстранился, осторожно выбравшись из моих объятий.

Желая сохранить мне жизнь, он наложил на физическую сторону наших отношений многочисленные табу. Естественно, я понимала: от ядовитых, острых как бритва зубов нужно держаться подальше. Но когда я находилась в его объятиях, условности начисто вылетали из головы.

— Пожалуйста, будь умницей. — Он еще раз чмокнул меня в губы и, прежде чем отодвинуться, аккуратно положил мои руки на колени.

Бешеный пульс эхом отдавался в ушах, и я накрыла сердце ладонью. Боже, как боевой барабан!

— Это когда-то изменится? — спросила я, обращаясь в первую очередь к себе. — Сердце перестанет нестись галопом всякий раз, когда ты ко мне прикоснешься?

— Надеюсь, нет, — самодовольно отозвался Эдвард.

Я закатила глаза.

— Пошли смотреть, как рубятся Монтекки и Капулетти.

— Твое желание для меня закон.

Пока я вставляла диск и перематывала титры, Эдвард растянулся на диване,

а когда присела на краешек, обнял за талию и притянул к себе. Грудь мускулистая и холодная, словно лед; конечно, не так удобно, как на диванной подушке, но для меня гораздо приятнее.

— Знаешь, Ромео мне вообще не нравится, — заявил он, когда начался фильм.

— А что с ним не так? — обиделась я. Ромео — мой любимый литературный герой. До встречи с Эдвардом именно о таком и мечтала.

— Ну, поначалу он крутит шашни с Розалиной — разве это не признак ветрености? А потом за несколько минут до свадьбы убивает двоюродного брата Джульетты — по-моему, не слишком умный поступок. Парень совершает ошибку за ошибкой; вернее способа разрушить свое счастье не придумаешь.

— Хочешь, чтобы я смотрела одна?

— Я все равно здесь сижу... — Его пальцы чертили на моем предплечье холодные узоры, от которых появилась гусиная кожа. — Плакать будешь?

— Если смотреть внимательно, то, скорее всего, да, — призналась я.

— Обещаю не отвлекать, — проговорил он, а сам легонько чмокнул в макушку — как тут не отвлечься?!

В конце концов удалось сосредоточиться на фильме, в основном благодаря Эдварду, шептавшему мне на ухо реплики Ромео. По сравнению с его серебряным баритоном голос актера казался сущим карканьем. К величайшему удивлению Каллена, я и правда рыдала, когда Джульетта обнаружила своего новоиспеченного супруга мертвым.

— Вот здесь я страшно ему завидую, — признался Эдвард, вытирая мне слезы моим же локоном.

— Она очень хорошенькая!

— Да не из-за девушки! — презрительно фыркнул Эдвард. — Из-за того, как легко он совершил самоубийство! Вам, смертным, вообще повезло: небольшой порции растительного экстракта достаточно...

— Что? — ахнула я.

— Ну, однажды я об этом думал, хотя по опыту Карлайла знал: дело нелегкое. Трудно сказать, сколько раз он пытался покончить с собой после того... после того, как понял, кем стал... — Бархатный голос омрачился, затем вновь просветлел. — А здоровье у него до сих пор отменное.

Я обернулась, чтобы заглянуть ему в глаза:

— Что ты имеешь в виду? Что значит «однажды об этом думал»?

— Прошлой весной, когда тебя... чуть не убили. — Эдвард глубоко вздохнул, с трудом возвращаясь к привычному насмешливому тону. — Разумеется, я надеялся найти тебя живой, однако в глубине души прикидывал и альтернативный план. Говорю же, для меня это куда сложнее, чем для людей.

На долю секунды услужливая память воскресила поездку в Финикс, и сразу стало не по себе. Я все видела с потрясающей четкостью: ослепительное солнце, раскаленный асфальт, по которому я неслась, разыскивая вампира, решившего замучить меня до смерти. Джеймс поджидал в зеркальной комнате, якобы удерживая в заложниках маму. Вернее, так думала я, не подозревая: все это — просто уловка, а Джеймс, в свою очередь, не подозревал, что мне на помощь спешит Эдвард. К счастью, он успел, едва-едва успел...

Совершенно бездумно мои пальцы коснулись серповидного шрама на запястье, который всегда был чуть холоднее, чем кожа.

Я покачала головой, пытаюсь одновременно отрешиться от плохих воспоминаний и разобраться, что задумал Эдвард. Желудок болезненно сжался.

— Что еще за альтернативный план?

— Без тебя я жить не собирался, — сказал Каллен спокойно, будто это было прописной истиной. — Только как и что делать, понятия не имел. Само собой, Эмметт с Джаспером помогать бы не стали, вот я и подумал: может, направиться в Италию и каким-то образом спровоцировать Вольтури?

Даже слушать не хотелось, но золотисто-карие глаза затуманились и смотрели куда-то вдаль. Боже, да он замыслил самоубийство! Я была в ярости.

— Кто такие Вольтури?

— Такая семья, — пояснил Каллен, судя по голосу, по-прежнему размышляя о смерти.

Я едва сдерживалась.

— Очень старая и влиятельная семья, подобная нам. Наверное, в мире людей им ближе всего королевская династия. Одно время Карлайл жил с ними в Италии, до того как перебрался в Америку. Ты помнишь его историю?

— Да, конечно.

Никогда не забуду, как впервые попала в дом Калленов — огромный белый особняк в лесной глуши у самой реки — и в комнату, где у Карлайла, которого Эдвард по многим причинам считал отцом, была целая стена рисунков, отображающих его личную историю. Самое большое и яркое полотно относилось к его пребыванию в Италии. Конечно, я запомнила четверых мужчин с ангельски спокойными лицами, которые стояли на балконе над пестрой беснующейся толпой. Рисункам несколько веков, а белокурый ангел Карлайл совершенно не изменился. Трех остальных, его старых знакомых, я тоже не забыла. Значит, это Вольтури; мистер Каллен фамилию не упоминал, он назвал их Аро, Каем и Марком, ночными ангелами-хранителями науки и искусства...

— Так вот, Вольтури раздражать не рекомендуется, — неожиданно прервал мои мысли Эдвард. — Если, конечно, не хочешь умереть, или что там с нами происходит... — Бархатный голос такой спокойный, будто ему невыносимо скучно.

Мой гнев превратился в ужас, и я сжала мраморное лицо в ладонях.

— Никогда, никогда больше не говори ни о чем подобном! Что бы ни случилось со мной, ты не имеешь права причинять себе боль!

— Тобой я больше рисковать не намерен, так что и спорить не о чем!

— Рисковать мной?! Разве мы не договорились, что все беды из-за моей катастрофической невезучести? — С каждым словом я распалялась еще сильнее. — Не смей даже думать о таком! — При мысли о том, что после моей смерти Эдвард перестанет существовать, становилось невыносимо.

— Как бы в такой ситуации поступила ты?

— А случись нечто подобное с тобой, — смертельно побледнев, начала я, — ты бы захотел, чтобы я наложила на себя руки?

Прекрасное лицо исказила гримаса боли.

— Пожалуй, я понимаю... — признал Эдвард. — Отчасти... Но что мне без тебя делать?

— То же самое, что делал, прежде чем появилась я и усложнила твоё существование.

— Можно подумать, все так просто... — вздохнул Каллен.

— Так и есть, а я — довольно неинтересная девушка.

Эдвард хотел возразить, но в последний момент передумал.

— Спорный вопрос. — Внезапно он сделал постное лицо и пересадил меня на диван, чтобы наши тела не соприкасались.

— Чарли? — догадалась я.

Каллен улыбнулся, и через секунду я услышала, как на подъездную аллею въехала патрульная машина. Я решительно взяла Эдварда за руку — ничего, папа переживет.

Вошел Чарли с большой коробкой пиццы в руках.

— Привет, ребята! — бодро прокричал он и хитро подмигнул мне. — Решил, что по случаю дня рождения тебя можно освободить от готовки и мытья посуды. Есть хотите?

— Конечно! Спасибо, папа!

Явное отсутствие аппетита у Эдварда отец деликатно оставил без внимания. Он привык, что мой бойфренд пропускает ужин.

— Разрешите похитить Беллу на остаток вечера? — спросил Эдвард, когда мы с папой расправились с пиццей.

Я с надеждой взглянула на Чарли. Вдруг он считает день рождения домашним праздником? Мы же впервые вместе отмечаем с тех пор, как мама вышла замуж и перебралась во Флориду, кто знает, какие у него привычки.

— Без проблем! Тем более сегодня бейсбол: «Чикаго уайт соке» принимают «Сиэтл маринерс», — пояснил Чарли, и мои надежды рассыпались прахом. — Боюсь, со мной будет не очень весело. Вот! — Он схватил фотоаппарат, который выбрал по предложению Рене (нужно же чем-то заполнять ее альбом) и бросил мне.

Зря он так: у меня ведь с координацией проблемы. Выскользнув из рук, фотоаппарат полетел на пол. Эдвард поймал его в каких-то миллиметрах от линолеума.

— Отличная реакция! — похвалил Чарли. — Давай, Белла, как следует развлекись у Калленов и обязательно сфотографируйся. Ты же знаешь маму: фотографии ей нужны еще раньше, чем ты успеешь их сделать.

— Чудесная идея, Чарли! — воскликнул Эдвард, передавая мне фотоаппарат.

Повернув к нему объектив, я щелкнула затвором.

— Работает!

— Вот и отлично. Передай привет Элис, что-то она давно не заходила, — чуть заметно ухмыльнулся Чарли.

— Пап, прошло всего три дня! — Чарли обожает сестру Эдварда. Их «роман» начался весной, когда Элис помогала мне выздоравливать. Отец был страшно благодарен девушке за то, что спасла от настоящего ужаса:

необходимости купать почти взрослую дочь. — Не беспокойся, передам.

— Ладно, ребята, веселитесь хорошенько! — Ясно, папе не терпится от нас отделаться, да он уже к гостиной пятится. Конечно, там же телевизор...

Торжествующе улыбнувшись, Эдвард повел меня с кухни.

У пикапа он снова открыл пассажирскую дверь, и на этот раз я не спорила: чуть заметный поворот к дому Калленов в темноте мне ни за что не найти.

Эдвард погнал на север, не скрывая досады на то, что доисторический «шевроле» не позволял развить приличную скорость. Чуть больше шестидесяти километров в час, и двигатель начинал обреченно стучать.

— Да хватит! — возмутилась я.

— Знаешь, что тебе подойдет? Маленькая «ауди-купе»! Быстрая, бесшумная, надежная.

— У меня отличный пикап, а что касается баснословно дорогих излишеств, не помню, чтобы ты тратился на подарки родственникам!

— Верно, ни цента! — подтвердил щедрый Эдвард.

— Вот так-то!

— Можешь кое-что для меня сделать?

— Смотря что.

Каллен вздохнул, и самое любимое на свете лицо посерьезнело.

— Белла, в нашей семье последний настоящий день рождения отмечал Эмметт аж в тысяча девятьсот тридцать пятом году. Так что будь любезна, не капризничай! Они так старались...

Когда Эдвард выгораживал семью, мне почему-то становилось немного страшно.

— Хорошо, буду паинькой.

— Наверное, стоит тебя предупредить...

— Да уж, пожалуйста.

— Они все очень волнуются... Все!

— Все? — сдавленно переспросила я. — А разве Эмметт с Розали не в Африке? — Жители Форкса думают, что брат с сестрой уехали в Дартмуртский колледж, но я-то знаю правду.

— Эмметту очень хотелось присутствовать.

— А... Розали?

— Ну, ты же понимаешь... Не волнуйся, она умеет держать себя в руках!

Я не ответила. Как не волноваться? В отличие от Элис, вторая «сестра» Эдварда, золотая блондинка Розали, не особенно меня жаловала. «Не жаловала» сказано довольно мягко; для изящной Розали я была незваной гостьей, без спросу проникшей в их тайный мир.

Я очень переживала, подозревая, что виновата в затянувшемся отсутствии родственников Эдварда. Не могу сказать, что мне не хватало надменной Розали, а вот по Эмметту, игривому медведю-гризли, я действительно скучаю. Мне всегда хотелось иметь старшего брата, ну, возможно, не такого устрашающего на вид.

Эдвард решил сменить тему:

— Раз на «ауди» ты не согласна, какой подарок примешь?

— Ты знаешь, что мне хочется, — чуть слышно прошептала я.

Мраморный лоб прорезали глубокие морщины: Каллен пожалел, что сменил тему.

Да, видимо, спорам сегодня не будет конца...

— Только не в такой день, Белла, пожалуйста!

— Ну, может, Элис уговорю.

Эдвард зарычал.

— Это не последний твой день рождения! — поклялся он.

— И где справедливость?

Неужели я слышала, как клацнули зубы?

Мы подъезжали к дому Калленов.

В окнах первых двух этажей горел яркий свет. У крыльца с карнизов свисали японские фонарики. Надо же, целая гирлянда, красноватыми отблесками играющая на стволах исполинских кедров. У парадной двери — цветы в больших вазах.

Розовые розы... Я застонала.

Пытаясь успокоиться, Эдвард набрал в грудь побольше воздуха.

— Это вечеринка, — напомнил он. — Расслабься.

— Хорошо, — пробормотала я. Выбравшись из машины, Каллен протянул мне руку.

— Можно вопрос?

Эдвард настороженно ждал.

— Когда проявят пленку, — начала я, крутя в руках фотоаппарат, — ты на снимке будешь?

Он расхохотался, помог мне выйти, затащил на крыльцо и, продолжая веселиться, подтолкнул к двери.

Каллены ждали в просторной белой гостиной и, увидев меня, проскандировали: «С днем рождения, Белла!», а я, зардевшись, опустила глаза. Казалось, каждый квадратный сантиметр пола Элис заставила розовыми свечами и хрустальными вазами чуть ли не с сотней роз.

Рядом с роялем Эдварда — застланный белой скатертью стол, а на нем именинный пирог с малиновой глазурью, еще розы, высокая стопка тарелок

и небольшая горка подарков в серебристой упаковочной бумаге.

Да, все в тысячу раз хуже, чем я предполагала.

Почувствовав мое настроение, Эдвард обнял меня и чмокнул в макушку.

Карлайл и Эсми — неправдоподобно молодые и обаятельные родители четверых детей — стояли ближе всех к двери. Эсми осторожно коснулась моего запястья, а когда целовала в лоб, карамельного цвета волосы скрыли нас от остальных шелковистым облаком. Через секунду на плечо легла твердая ладонь Карлайла.

— Прости, Белла, — прошептал доктор Каллен, — Элис невозможно было остановить.

Рядом с родителями поджидали Эмметт с Розали. Девушка, конечно, не улыбнулась, но и свирепым взглядом не обожгла. Крупный рот Эмметта растянулся в широкой ухмылке. Мы не виделись несколько месяцев, и я подзабыла, как обворожительна Розали, глаз не отвести. А Эмметт... Неужели он такой... здоровяк?

— Ты совсем не повзрослела! — с поддельным упреком воскликнул Эмметт. — Я-то надеялся заметить разительные перемены, а ты, как всегда, растрепанная и покрасневшая.

— Спасибо, Эмметт, — пробормотала я, краснея еще гуще.

Старший брат Эдварда хохотнул.

— Я выйду буквально на секунду, — объявил он и заговорщически подмигнул Элис. — Пока меня нет, не делай ничего смешного, ладно?

— Постараюсь.

Высокий светловолосый Джаспер остался у лестницы. За проведенные в Финиксе дни он так и не преодолел неприязнь ко мне и старался меня избегать — естественно, когда была не его очередь дежурить. Понятно, ничего личного, обычная предосторожность, и расстраиваться не стоит. К диете Калленов парень приспосабливался с большим трудом, чем остальные. Запах человеческой крови преследовал Джаспера повсюду... да,

вегетарианского опыта у него меньше!

— Пора открывать подарки, — объявила Элис, ледяной ладошкой взяла меня за локоть и повела к столу с тортом и блестящими свертками.

— Слушай, я ведь просила...

— А я пропустила мимо ушей! Открывай! — Забрав фотоаппарат, она вручила мне квадратную коробочку в серебристой упаковке.

Такая легкая, можно подумать, пустая... Судя по нарядной этикетке, подарок от Эмметта, Розали и Джаспера. Смущаясь, я порвала бумагу и бездумно уставилась на картонную коробку.

Название какой-то фирмы и множество цифр... Так, похоже на электронный прибор. Надеюсь увидеть сверкающий дисплей, я приподняла крышку. Под ней... ничего!

— М-м-м, спасибо...

Надменные губы Розали изогнулись в улыбке.

— Автомагнитола! — прыснул Джаспер. — А Эмметт ее сейчас устанавливает, чтобы отрезать тебе пути к отступлению.

Наверняка идея Элис!

— Джаспер, Розали, спасибо огромное! — Я вспомнила нелестные комментарии Эдварда в адрес моего приемника. Теперь понимаю, он нарочно меня распалял. — Спасибо, Эмметт! — громко прокричала я.

С улицы слышалось что-то напоминающее раскаты грома: «старший брат» веселился вовсю.

— Теперь наш с Эдвардом!..

От восторга голос Элис стал похож на птичий клекот. В руках девушки был маленький квадратный сверток.

— Ты же обещал! — гневно взглянув на Эдварда, прошипела я.

Не дав младшему брату ответить, в гостиную с шумом ворвался Эмметт.

— Я как раз вовремя! — Он встал за Джаспером, который подошел ближе, чтобы как следует рассмотреть подарок.

— И доллара не потратил! — убирая с моего лица прядь, поклялся Эдвард. От прикосновения его пальцев по коже будто прошел электрический разряд.

Глубоко вздохнув, я повернулась к Элис:

— Ладно, давай!

Эмметт аж закудахтал от удовольствия. Я взяла сверточек и, сделав большие глаза, дернула за ленту.

— Черт! — пробормотала я, когда бумага царапнула кожу. Из крошечного пореза вытекла капелька крови.

Дальше все произошло очень быстро.

— Не-ет! — прорычал Эдвард и бросился на меня, толкнув на красиво сервированный стол. Стол опрокинулся, цветы с тарелками полетели на пол.

Я упала на крошево битого хрусталя.

Из груди белокурого вампира вырвался звук, похожий на утробное ворчание, и Джаспер протиснулся мимо моего бойфренда, клацнув зубами в каких-то сантиметрах от его лица.

В следующую секунду на Джаспера набросился Эмметт, сжал в стальных объятиях; тот отчаянно сопротивлялся, буравя меня глазами.

Кроме потрясения и ужаса, я чувствовала обжигающую боль. Казалось, в запястье впились тысячи голодных ос.

Сбитая с толку и перепуганная, я смотрела на алую кровь, что хлестала из руки, а подняв голову, увидела лихорадочные глаза шести внезапно проголодавшихся вампиров.

Глава вторая

Шрамы

Карлайл был единственным, кто сохранил спокойствие. Голос его прозвучал невозмутимо и властно, видимо, сказались века работы в больнице:

— Эмметт, Роуз, выведите Джаспера из дома!

Кивнув, «старший брат» тотчас перестал улыбаться.

— Пойдем, Джаспер!

Пытаясь вырваться из железных объятий, молодой вампир клацал зубами, сверля брата неестественно пустыми глазами.

Эдвард, блее мела, прикрывал меня собой, готовый к любым нападениям. Челюсти его были стиснуты, в горле клочкотал звериный рык. Боже, он что, совсем не дышит?

Прекрасное лицо Розали превратилось в самодовольную маску: встав перед Джаспером — на безопасном расстоянии от его зубов, — она помогла Эмметту вывести братца через стеклянную дверь, которую заботливо приоткрыла Эсми. Тонкая рука зажала рот и нос, красноречиво выражая отношение ко всему происходящему.

Судя по побелевшим губам миссис Каллен, ей было стыдно.

— Мне жаль, Белла, — чуть не плакала она, вместе со всеми выходя во двор.

— Эдвард, пусти меня к ней! — пробормотал Карлайл.

Секундное колебание — и парень медленно кивнул, позволив мне

оторваться от пола.

Опустившись на колени, доктор Каллен осмотрел руку. Чувствуя, как лицо искажает гримаса боли, я изо всех сил держалась.

— Вот, возьми. — Элис протянула полотенце.

— В ране мелкие осколки, — покачал головой доктор Каллен, оторвал от крахмальной скатерти длинный лоскут и завязал на моем предплечье наподобие жгута. От запаха крови кружилась голова, в ушах звенело. — Белла! Отвезти тебя в больницу или обработаем рану здесь?

— Лучше здесь, — прошептала я. Попаду в больницу — проблем с Чарли не оберешься.

— Сейчас найду твой чемоданчик! — пообещала Элис.

— Давай перенесем ее на кухонный стол, — сказал сыну Карлайл.

Эдвард поднял меня словно пушинку, а доктор Каллен что есть силы сжимал предплечье.

— Как ты себя чувствуешь?

— Все в порядке. — Мой голос практически не дрожал, что не могло не радовать.

Лицо Эдварда застыло в непроницаемой маске.

Вернулась Элис с чемоданчиком Карлайла. Эдвард бережно усадил меня на стул, а доктор Каллен, опустившись рядом, не мешкая приступил к работе.

Мой бойфренд по-прежнему стоял неподалеку, хмурый и надежный, как скала.

— Эдвард, можешь отойти, — промолвила я.

— Ничего, справлюсь, — упрямылся он, хотя его губы побледнели, а глаза полыхали от напряжения. Бороться с жаждой ему куда сложнее, чем остальным.

— Не надо геройствовать! Карлайл справится без твоего участия. Иди, подыши воздухом!

Я поморщилась: доктор Каллен чем-то обжег мою многострадальную руку.

— Лучше останусь...

— Ты что, мазохист?

— Эдвард, пока не поздно, найди Джаспера, — решил вмешаться Карлайл. — Наверное, он очень расстроен и в таком состоянии не будет слушать никого, кроме тебя.

— Да, — с жаром согласилась я, — сходи за Джаспером!

Эдвард презрительно сузил глаза: надо же, мол, вдвоем набросились, но потом кивнул и выскользнул из двери черного хода. Такое впечатление, что с момента, как я порезала палец, он ни разу не вздохнул.

Жгучая боль в руке постепенно уходила, однако время от времени напоминала, что рана все-таки есть. Может, отвлекусь, если удастся сосредоточиться на лице Карлайла? Вот он склонился над моим локтем, и золотистые волосы сверкнули в ярком свете лампы. Что-то обожгло руку — я старательно терпела. Нечего изображать кисейную барышню!

Не стой Элис все это время у меня перед глазами, я бы и не заметила, что она, не выдержав, выбралась из кухни. Смущенная улыбка — и девушка-эльф скользнула за дверь.

— Ну вот, всех распугала, — вздохнула я.

— Ты не виновата, — усмехнувшись, подбодрил меня Карлайл. — Такое могло случиться с кем угодно.

— Могло, — повторила я, — но случилось, как обычно, со мной.

Доктор Каллен снова усмехнулся.

Его невозмутимое спокойствие разительно контрастировало с реакцией остальных. На красивом лице ни тени волнения, движения быстрые,

уверенные.

— Как вам это удастся? — вырвалось у меня. — Даже Элис с Эсми... — Я не договорила, изумленно качая головой.

Все члены его семьи соблюдали необычную для вампиров диету с одинаковым тщанием, но только Карлайл вдыхал запах моей крови, не борясь с тайным соблазном. Конечно, на самом деле ему сложнее, чем кажется со стороны.

— Благодаря многолетней практике, — отозвался Карлайл. — Запах крови я практически не чувствую.

Пим! пим! пим! — падали на стол осколки, извлеченные из раны. Удивительно, сколько стекла в моей руке! Очень хотелось взглянуть на растущую горку, но при моей склонности к тошноте это далеко не лучшая мысль.

— А почему вы так держитесь за больницу? — Во-первых, я не могла представить, сколько лет отец Эдварда боролся со своим естеством, чтобы так себя контролировать, а во-вторых, я надеялась, что беседа отвлечет от намечающейся в желудке революции.

Темные глаза Карлайла сохраняли безмятежное спокойствие.

— Хм-м, мне нравится, когда... Когда мои необыкновенные способности помогают больным, у которых иначе не было бы шанса. Приятно сознавать, что моя работа делает жизнь некоторых людей легче и лучше. Знаешь, обостренное обоняние порой позволяет ставить более точные диагнозы... — Сочные губы изогнулись в кривоватой полуулыбке.

Пока я обдумывала услышанное, доктор Каллен проверял, все ли осколки удалены. Потянулся к чемоданчику... Надеюсь, не за иголкой!

— По-моему, вы пытаетесь искупить то, что и виной не назовешь. — Я почувствовала, как рану снова засадило. — Ну, у вас же все так не нарочно получилось... Вы не выбирали такую судьбу и тем не менее вынуждены лезть из кожи вон, чтобы быть хорошим.

— Я и не намерен что-то искупить или исправить, — покачал головой

Карлайл. — Скорее, как все, стараюсь максимально использовать то, что есть.

— Вас послушать — никаких проблем...

Доктор снова осмотрел рану.

— Ну вот, готово. — Промокнув большую ватную палочку, с которой капала густая жидкость карамельного цвета, он обработал все порезы. «Карамель» пахнет немного странно, даже голова кружится, и сильно жжет.

— В самом начале, — допытывалась я, пока Карлайл накладывал повязку, — почему вы вдруг решили жить иначе, чем остальные?

Доктор Каллен усмехнулся:

— Разве Эдвард не рассказывал?

— Рассказывал, но я пытаюсь понять, как вы рассуждали.

Лицо доктора неожиданно посерьезнело: неужели мы с ним думаем о том же? Как поступлю я, когда — именно «когда», а не «если» — придет мое время?

— Мой отец был священником, — сложив инструменты, Карлайл протер поверхность стола влажной марлей, затем еще раз; едко запахло спиртом, — и придерживался довольно консервативных взглядов, которые лично у меня вызывали сомнения еще до того, как я начал меняться.

Доктор Каллен сложил использованные бинты и осколки на пустое блюдо. Я не сообразила зачем, даже когда он зажег спичку, но вот она полетела на проспиртованные повязки, и неожиданно яркое пламя заставило меня подпрыгнуть.

— Прости, — извинился Карлайл, — так нужно.

В общем, я не принял слепую веру отца, хотя почти за четыреста лет со дня моего рождения ни разу не усомнился в существовании Бога. Сомнений не возникает, даже когда смотрюсь в зеркало и не вижу отражения.

Якобы разглядывая безупречно наложенную повязку, я тихонько удивлялась обороту, который приняла беседа. Вот уж не думала, что речь зайдет о религии! В моей собственной жизни веры не было. Чарли считал себя лютеранином, потому что именно к этой церкви принадлежали его родители, однако выходные предпочитал проводить на реке с удочкой в руках. Что касается Рене, она вспоминала о религии периодически в перерывах между теннисом, керамикой и французским, причем о маминых увлечениях я узнавала, когда она уже переключалась на что-то новое.

— Понимаю, странно слышать подобное от вампира, — ухмыльнулся доктор, походя произнеся слово, от которого у меня до сих пор холодок по спине бежал, — тем не менее я верю: в жизни каждого должна быть цель, даже у нас. Конечно, на многое рассчитывать не стоит, — беззаботно продолжал Карлайл, — по всем без исключения данным мы прокляты. Но я наивно надеюсь, что нам воздастся хотя бы за то, что мы старались.

— Ничего наивного не вижу, — пробормотала я. По-моему, никто, в том числе и Господь, не остался бы равнодушным к словам Карлайла. К тому же среди святых, которым я была согласна поклоняться, обязательно присутствовал бы Эдвард. — И со мной наверняка согласится подавляющее большинство.

— Вообще-то ты у меня первая союзница.

— Разве в семье с вами не солидарны? — спросила я, на деле интересуясь конкретным ее членом.

Карлайл догадался, о ком речь.

— Эдвард поддерживает меня — до определенной степени. Мол, Бог и рай существуют... так же, как и ад. Но в загробную жизнь для таких, как мы, он не верит. — Доктор Каллен говорил очень тихо, глядя через открытое окно в темноту. — Видишь ли, ему кажется, что душу мы утратили.

Тут же вспомнилось, что сказал Эдвард после школы: «Если, конечно, не хочешь умереть, или что там с нами происходит...» От перепада напряжения одна из ламп несколько раз мигнула.

— В этом все дело? — догадалась я. — Вот почему он из-за меня так упрямится...

— Смотрю на... сына, — спокойно продолжал Карлайл, — сила, ум и доброта горят в нем словно яркие звезды, многократно укрепляя мою веру и надежду. Почему на свете только один такой Эдвард? С другой стороны, если бы я мыслил так же, как он... — доктор Каллен буравил меня взглядом бездонных глаз, — если бы ты мыслила так же, как он, согласилась бы украсть его душу?

Ну что тут скажешь? Вот так вопрос... Спроси он, готова ли я отдать за Эдварда душу, — ответила бы не задумываясь, но ставить на карту **его** душу... Разве это равноценный обмен?

— По-моему, ты понимаешь, в чем дело...

Я покачала головой, осознавая, что веду себя как капризная девчонка. Карлайл вздохнул.

— Решать мне! — настаивала я.

— И ему... — увидев, что я собралась спорить, мистер Каллен поднял руку, — если, конечно, превращение совершит он.

— Ну, такая возможность есть не только у Эдварда, — задумчиво напомнила я.

— Это уж на ваше усмотрение, — хохотнул доктор Каллен, а потом вздохнул. — Вот у меня полной уверенности нет: вроде бы всегда хотел, как лучше, но имел ли право обрекать на такое существование других?

Я не ответила, представив, какой была бы моя жизнь, не реши Карлайл покончить со своим одиночеством.

— Это мать Эдварда меня подвигла, — чуть слышно проговорил доктор Каллен, глядя куда-то вдаль.

— Его мать? — Каждый раз, когда заговаривали о родителях, Эдвард отвечал: они умерли так давно, что в памяти остались лишь смутные образы. А Карлайл, похоже, отлично их помнит, хотя и знал совсем недолго.

— Да, ее звали Элизабет, Элизабет Мейсен. Несмотря на все старания медиков, отец, Эдвард-старший, так в себя и не пришел. Он умер во время

первой волны гриппа, а вот Элизабет оставалась в сознании до самого конца. Эдвард очень на нее похож: те же густые, с необычным бронзовым отливом волосы и зеленые глаза.

— У него были зеленые глаза? — переспросила я, пытаюсь себе это представить.

— Да... — В золотисто-карем взгляде Карлайла светилась многовековая грусть. — Элизабет очень переживала за сына... Теряя последние силы, то и дело подходила к кровати, чтобы проверить, как он. Я боялся, что мальчик умрет первым: он казался намного слабее матери. Однако смерть, стремительная и неумолимая, пришла за Элизабет. Случилось это вечером, когда я сменил работавших в первую смену докторов. Соблюдать условности было невыносимо сложно — столько работы, отдыхать совершенно не хотелось... До сих пор помню, с какой безысходностью я возвращался под утро домой и притворялся спящим, в то время как в больнице умирали десятки людей...

Итак, первым делом я решил провести Элизабет с сыном. Я к ним привязался, что, учитывая слабость человеческого тела, делать не стоило. Увидев ее, я сразу понял: наступило ухудшение. Лихорадка набирала обороты, а обессиленное тело сопротивляться не могло.

Впрочем, когда женщина оторвалась от колыбельки, силы в свирепом взгляде было достаточно.

«Спасите его!» — приказала она хриплым голосом, на который еще было способно воспаленное горло.

«Сделаю все, что смогу», — пообещал я, взяв миссис Мейсен за руку. Из-за сильного жара моя рука ей холодной не показалась; думаю, ей все казалось холодным.

«Вы обязаны, — настаивала Элизабет, сжимая мою ладонь с такой решимостью, что появилась надежда: вдруг поправится? Глаза блестели, как драгоценные камни, как изумруды! — Вы должны подключить все свои способности! Дайте Эдварду то, что другие не могут!»

Я не на шутку перепугался: ее взгляд был так пронзителен, словно миссис Мейсен знала мой секрет. А потом лихорадка взяла свое: бедняжка умерла,

не приходя в сознание, через час после того, как высказала свою странную просьбу.

Я уже несколько десятилетий мечтал завести друга, который знал бы меня настоящего, а не такого, каким я притворялся перед людьми. Но разве можно намеренно обрекать человека на подобное существование?

Эдвард умирал, ему осталось всего несколько часов. Малыш лежал рядом с мамой, чье лицо даже после смерти казалось встревоженным.

Века не властны над чудесной памятью доктора Карлайла: он воскрешал события с поразительной четкостью. Вместе с ним я увидела и почувствовала холодное отчаяние больницы и мрачное торжество смерти, горящего в лихорадке Эдварда, его тщедушное тельце, из которого стремительно уходила жизнь... Ужас! Я покачала головой, пытаюсь избавиться от жуткого наваждения.

— В ушах звенели последние слова Элизабет. Откуда она узнала? Разве мать может желать для сына подобной участи? Я посмотрел на Эдварда: слабый, бледный, мучительно красивый. Лицо чистое, благородное... Именно о таком сыне я всегда мечтал.

После многолетних колебаний и нерешительности я просто поддался порыву. Коллеги не заметили, что мальчик дышит: в ту пору не хватало ни рук, ни глаз, чтобы и за половиной больных уследить. В морге не было никого... то есть никого из живых; я пронес его на чердак и по крышам — к себе домой.

Не зная, с чего начать, я вспоминал, как несколькими веками ранее в Лондоне ранили меня самого.

И с трудом решился. И все-таки о сделанном я не жалею: я ведь спас Эдварда...

Возвращаясь к настоящему, доктор Каллен покачал головой:

— Наверное, нужно отвезти тебя к отцу.

— Я сам отвезу, — заявил мой бойфренд, беззвучно появившись из столовой. Лицо безмятежное, но глаза... Эдвард явно что-то скрывает.

Сердце в предчувствии сжалось.

— Лучше Карлайл. — Его рубашка вся была в кровавых пятнах, а правое плечо измазано розовой глазурью с торта.

— Я в порядке, — сухо произнес Эдвард, — а вот тебе нужно переодеться. У Чарли случится инфаркт, если увидит тебя такой. Скажу Элис, пусть принесет что-нибудь из одежды. — Каллен-младший решительно шагнул к двери.

— Он очень расстроен, — с тревогой взглянув на доктора, отметила я.

— Да. Сегодня случилось именно то, чего больше всего боится Эдвард: из-за наших естественных потребностей ты оказалась в опасности.

— Он не виноват.

— Ты тоже.

Я не хотела соглашаться с Карлайлом. Ну зачем он так грустно и понимающе смотрит на меня!

Протянув руку, доктор помог мне встать и повел в гостиную. Вернувшаяся Эсми протирала пол, судя по запаху, неразбавленным отбеливателем.

— Позвольте мне... — церемонно предложила я, чувствуя, что снова заливаюсь румянцем.

— Да я уже заканчиваю, — улыбнулась миссис Каллен. — Как ты?

— В порядке. Карлайл штопает раны быстрее, чем все мои предыдущие доктора.

Родители Эдварда засмеялись.

В гостиную вошли Элис с Эдвардом; девушка бросилась ко мне, а ее брат с непроницаемым лицом встал чуть поодаль.

— Пошли, — позвала Элис, — подберем что-нибудь попримечнее.

Оказывается, она уже нашла блузку Эсми практически того же оттенка, что

и моя. Чарли в жизни не заметит подмену! Папа нередко видит меня в бинтах, надеюсь, не слишком удивится.

— Элис! — шепотом позвала я, заметив, что она направляется к двери.

— Да? — наклонив голову, негромко спросила девушка.

— Все очень плохо? — Шептала я, конечно же, напрасно: мы на втором этаже, дверь закрыта, но Эдвард все равно может услышать.

— Пока не знаю.

— Как Джаспер?

— Сильно расстроился. Это было испытанием прежде всего для него, а он не любит показывать слабость и проигрывать.

— Джаспер не виноват. Передай, что я ничуть на него не злюсь, ладно?

— Да, конечно.

Эдвард ждал у входной двери и, едва заведев нас на лестнице, тотчас ее открыл.

— Подарки возьми! — напомнила Элис, когда я робко подошла к ее брату. Я быстро собрала серебристые свертки, отыскала фотоаппарат и сунула в здоровую руку. — Спасибо скажешь потом, когда откроешь!

Эсми с Карлайлом пожелали мне доброй ночи, так же, как и я, украдкой поглядывая на подозрительно апатичного парня.

На улице было прохладно и свежо. Я поспешила прочь от японских фонариков и ваз с розами, которые отныне будут напоминать о неприятном инциденте. Эдвард молча шел рядом, затем открыл пассажирскую дверь, и я покорно села в машину.

Новую магнитолу украсили красным бантом; его пришлось сорвать и бросить на пол. Когда за руль сел Каллен, я поспешно спрятала злосчастную ленту под сиденье.

На подарок он даже не взглянул, и я не решилась опробовать радио. В гнетущей тишине мотор ревел оглушительно. Эдвард гнал по темной дороге с невероятной для моего пикапа скоростью.

Затянувшееся безмолвие сводило с ума.

— Скажи что-нибудь! — взмолилась я, когда мы свернули на шоссе.

— Что, например? — холодно спросил Каллен. Зачем он так?!

— Скажи, что меня прощаешь! Бесстрастное, словно маска, лицо на мгновение ожило, перекосившись от гнева.

— Прощаю? За что?

— Будь я аккуратнее, ничего бы не случилось.

— Белла, ты порезалась упаковочной бумагой — за такое на электрический стул не сажают.

— Все равно я виновата.

Мои слова будто прорвали невидимую плотину.

— Виновата? Представь, что случилось бы, порежь ты палец в доме Майка Ньютона перед Джессикой, Анжелой и другими нормальными друзьями! В худшем случае они не смогли бы правильно наложить повязку. Даже если бы ты просто споткнулась и упала — а не была в панике сбита с ног, — чем бы это грозило? Ну, по дороге в больницу могла перепачкать кровью сиденья... Пока накладывали швы, Майк Ньютон держал бы тебя за руку, а не боролся с желанием убить на месте. Белла, не перекладывай вину на себя, от этого мне только хуже.

— Каким образом в наш разговор попал Майк Ньютон?

— Майк Ньютон попал в наш разговор, потому что он, черт возьми, подходит тебе гораздо больше.

— Лучше умру, чем буду встречаться с Майком Ньютоном, — заявила я. — Лучше умру, чем буду встречаться с кем угодно, кроме тебя.

— Пожалуйста, только мелодрам не надо!

— А ты ерунду не говори!

Каллен не ответил, мрачно, без всякого выражения глядя в лобовое стекло.

Боже, ну как мне все исправить? Я ломала голову, но вот мы подъехали к дому, а на ум так ничего и не пришло. Эдвард заглушил мотор и сидел, судорожно сжав руль.

— Может, останешься? — спросила я.

— Мне нужно домой.

Больше всего на свете я боялась, что он впадет в депрессию.

— Ну, в честь моего дня рождения!

— Слушай, нельзя же и так и эдак: либо ты хочешь, чтобы окружающие игнорировали твой праздник, либо нет.

Голос звучал строго, но уже не так мрачно, как прежде, и из моей груди вырвался чуть слышный вздох облегчения.

— Ладно! Я не хочу, чтобы ты игнорировал мой праздник. Жду тебя наверху.

Выбравшись из машины, я обернулась, чтобы взять подарки.

— Не нравятся — не бери, — хмуро сказал Эдвард.

— Нравятся! — заявила я и подумала, что он, возможно, просто поддразнивает меня.

— Как же так? Карлайл с Эсми кучу денег потратили!

— Ничего, переживу. — Неловко зажав подарки в здоровой руке, я громко захлопнула дверцу. Доля секунды — и Эдвард стоял рядом.

— Может, хоть нести помогу? — забирая свертки, предложил он. — Давай, жду тебя в комнате.

— Спасибо, — улыбнулась я.

— С днем рождения! — вздохнул он и, наклонившись, прильнул к моим губам.

Я встала на носочки, чтобы поцелуй длился подольше, но Каллен отстранился. Его лицо озарила привычная кривоватая улыбка, и он исчез в темноте.

Бейсбол еще не кончился, и, не успев войти, я услышала, как диктор пытается перекрыть ропот беснующихся трибун.

— Беллз! — позвал Чарли.

— Да, пап, я! — Нужно подойти поближе, а порезанную руку держать как можно естественнее. Любое движение причиняет жгучую боль: наверное, анестезия перестает действовать.

— Как все прошло? — Чарли развалился на диване, положив босые пятки на подлокотник. Вьющиеся каштановые волосы, вернее, то, что осталось от некогда густой шевелюры, с одной стороны примялось, словно блин.

— Эллис превзошла саму себя: цветы, свечи, торт, подарки, в общем, все как полагается.

— Что подарили?

— Стереоустановку в машину и еще кучу подарков, которые даже не вскрыла.

— Вау!

— Да уж, — кивнула я. — Ладно, пойду спать.

— Что с рукой?

Беззвучно выругавшись, я залилась краской.

— Ничего, поскользнулась.

— Белла! — вздохнув, покачал головой Чарли.

— Спокойной ночи, папа!

Я поспешила в спальню, где хранилась пижама для ночей вроде этой, и вместо заношенного до дыр флисового костюма кое-как втиснулась в просторные брюки-карго и подходящий по цвету топ. Рана ныла, я даже морщилась от боли. Одной рукой я ополоснула лицо, вычистила зубы и побежала в комнату.

Каллен сидел на кровати, лениво играя с одним из серебристых свертков.

— Привет! — без всякой радости проговорил он.

Ну вот, депрессия...

Я подошла ближе, забрала подарки и уселась к нему на колени.

— Эй!.. — Я прильнула к каменной груди. — Можно открыть?

— Откуда такой энтузиазм?

— Сам заинтриговал!

Первым выбрала плоский длинный сверток, по всей вероятности, от Карлайла с Эсми.

— Лучше дай мне, — со вздохом предложил Каллен, стремительным движением сорвал серебристую обертку и протянул белую прямоугольную коробочку.

— Доверишь поднять крышку? — съязвила я.

Внутри был длинный картонный формуляр с огромным количеством мелко набранного текста. Пока сообразила, что к чему, прошло не менее минуты.

— Мы летим в Джексонвилл? — Плохого настроения как не бывало. Туристический ваучер на два авиабилета для нас с Эдвардом!

— Так и было задумано.

— Поверить не могу! Рене с ума сойдет! Слушай, а ты-то согласен? Там ведь солнечно, придется весь день сидеть взаперти.

— Постараюсь справиться, — нахмурился Эдвард. — Знал бы, какая будет реакция, заставил бы открыть подарок перед Карлайлом и Эсми. Мне почему-то казалось, что ты рассердишься.

— Ну, конечно, все это слишком, зато полетим вместе!

— Теперь жалею, что сам не купил подарок. Оказывается, здравый смысл у тебя все-таки присутствует.

Я отложила ваучер и, сгорая от любопытства, потянулась за его подарком. Однако распаковать мне его так и не позволили.

Доля секунды — и Каллен протянул подарочный футляр с серебристым диском внутри.

— Что это? — растерянно спросила я.

Эдвард молча забрал диск, вставил в плеер, пылившийся на прикроватной тумбочке, и нажал на воспроизведение.

Полилась музыка.

Я слушала с широко раскрытыми от изумления глазами. Эдвард явно ждал какой-то реакции, но язык не повиновался. Откуда ни возьмись, появились непрошенные слезы, их пришлось вытереть, пока не покатались по щекам.

— Рука болит? — с тревогой спросил Каллен.

— Нет, дело не в этом... Милый, музыка просто чудо, о лучшем подарке и мечтать нельзя. Даже не верится... — Я осеклась, вся обратившись в слух.

Это музыка Эдварда, композиции его собственного сочинения, а первой шла моя колыбельная.

— Ты ведь не позволила бы купить рояль, чтобы я мог играть прямо здесь?

— Конечно, нет!

— Как рука?

— В полном порядке!

На самом деле под повязкой будто пожар полыхал. Лед, мне срочно нужен лед! Ладонь Эдварда тоже подойдет, однако просить нельзя — сразу обо всем догадается.

— Сейчас принесу тайленол.

— Ничего не нужно, — возразила я, но Каллен пересадил меня на кровать и направился к двери.

— Чарли!.. — прошипела я.

Папа не подозревал, что мой бойфренд частенько остается ночевать. Узнай он об этом, у него инфаркт случится. Однако виноватой я себя не чувствовала: ничем предосудительным мы не занимались.

— Он меня не поймает, — пообещал Эдвард, без звука исчез за дверью и... вернулся еще раньше, чем она коснулась рамы, держа чистый стакан и упаковку тайленола.

Таблетки я выпила, не сказав ни слова: что толку спорить, если наверняка проиграю? Тем более рука с каждой секундой беспокоила все сильнее.

В комнате до сих пор звучала колыбельная: звуки мягкие, спокойные, умиротворяющие.

— Уже поздно, — заявил Эдвард. Р-раз — он сгреб меня в охапку, два — приподнял одеяло, три — уложил на кровать и заботливо укрыл. Сам лег рядом, но поверх одеяла, чтобы я не замерзла, и обнял.

Положив голову на его плечо, я счастливо улыбнулась:

— Спасибо...

— Не за что!

Мы долго молчали, а колыбельная тем временем кончилась, и зазвучала любимая песня Эсми.

— О чем думаешь? — шепотом спросила я.

— Ну... взвешиваю все «за» и «против», — после секундного колебания ответил он.

По спине побежали мурашки.

— Помнишь, я попросила не игнорировать мой день рождения? — Надеюсь, отвлекающий маневр был не слишком явным.

— Да, — осторожно проговорил Эдвард.

— Так вот, поскольку праздник еще не закончился, хочу, чтобы ты снова меня поцеловал.

— Ты сегодня такая жадная!

— Ну, если не хочешь, не надо себя заставлять, — съязвила я.

Хохотнув, Каллен тяжело вздохнул.

— Не дай бог мне себя заставлять! — с непонятным отчаянием проговорил он и, обняв за шею, прильнул ко мне.

Поцелуй начался как всегда: Эдвард соблюдал осторожность, а мое сердце несло бешеным галопом. Однако потом что-то изменилось: его губы стали требовательнее и настойчивее, а руки, зарывшись в мои волосы, не давали отстраниться. Я и не желала, и, хотя, играя с бронзовыми прядками, фактически перешла дозволенные границы, он впервые не сказал «стоп». Через тонкое одеяло тело Эдварда казалось очень холодным, но я к нему так и льнула.

Вдруг все резко закончилось: ласковые и сильные руки Каллена просто держали меня на расстоянии.

Я откинулась на подушки: голова кружилась, как после американских горок, и мучили обрывки каких-то воспоминаний...

— Прости... — Господи, да у него тоже дыхание сбилось! — Я не имел права...

— Разве кто возражает? — Я буквально умирала от желания.

— Белла, постарайся заснуть, — нахмурился Эдвард.

— Нет, хочу еще один поцелуй!

— Похоже, ты переоцениваешь мои волевые качества.

— Что соблазнительнее: мое тело или моя кровь?

— Пожалуй, одинаково. — Усмехнувшись, он мгновенно посерьезнел. — Слушай, может, перестанешь испытывать судьбу и попытаешься заснуть?

— Договорились, — кивнула я, покрепче к нему прижимаясь. Сил в самом деле почти не осталось. Во многих отношениях день получился трудным, но, как ни странно, облегчения я не испытывала. Казалось, завтра будет еще хуже. Конечно, глупо: что может быть хуже, чем сегодня? Наверное, так с некоторым опозданием проявляется шок.

Я украдкой коснулась рукой плеча Каллена, чтобы прохладная кожа успокоила пылающий под повязкой пожар. М-м-м, сразу полегчало.

Уже засыпая, я наконец сообразила, о чем напомнил поцелуй. Весной, когда пришлось разделить, чтобы сбить со следа Джеймса, Эдвард поцеловал меня, не зная, увидит ли снова. Его губы казались горько-сладкими, как и сегодня... Но почему, где связь? Содрогаясь, будто в предвкушении кошмара, я провалилась в забытие.

Глава третья

Конец

Наутро я чувствовала себя просто ужасно. Естественно, не выспалась, рука пылала, голова раскалывалась. Еще хуже стало после того, как Эдвард, чмокнув меня в лоб, выскользнул в окно. Наверное, пока я спала, взвешивал свои «за» и «против»... От страха и волнения голова загудела еще сильнее.

Каллен, как всегда, ждал у школы. Лицо по-прежнему чужое, а глаза скрывали тайну, которую я не могла разгадать. Про вчерашнее говорить не хотелось, но вдруг, умолчав о своих тревогах, сделаю еще хуже?

Эдвард открыл дверцу пикапа:

— Как себя чувствуешь?

— Отлично, — соврала я и поморщилась: грохот захлопнувшейся дверцы безжалостно терзал уши.

Мы молча шли к школе: чтобы не обогнать меня, Каллену приходилось делать шаги в два раза короче обычных. Накопилась масса вопросов, однако большую часть придется задать позднее, потому что они предназначаются Элис. Как Джаспер вел себя утром? О чем они говорили после того, как Эдвард меня увез? Как держалась Розали? И самое главное: что показывают ее странные, порой обманчивые видения? Известно, почему брат погрузился в апатию? Есть ли причина у безотчетного страха, от которого мне никак не удастся избавиться?

Казалось, утро никогда не кончится. Страшно хотелось увидеть Элис, хотя я понимала, что при Эдварде с ней поболтать не удастся. Он вел себя как чужой, лишь время от времени спрашивал, как рука.

На ленч подруга всегда приходила одной из первых: она ведь не такая копуша, как я! Но сегодня столик пустовал: ни Элис, ни подноса с едой, к которой она не притрагивалась.

Эдвард ее отсутствие никак не объяснил. Я решила было: ее класс задержали, однако тут увидела Коннера и Бена, у которых четвертым уроком тоже стоял французский.

— Где Элис? — с тревогой спросила я Каллена.

Золотистые глаза сосредоточились на батончике мюсли, который он крошил пальцами.

— С Джаспером.

— С ним все в порядке?

— Некоторое время будет отсутствовать.

— Что? Куда направился Джаспер?

— Да так...

— И Элис, значит, тоже, — с безысходностью прошептала я.

— Да, сестра на время отлучилась. Убедила Джаспера поехать в Денали.

В Денали жила еще одна необычная семья вампиров — дружелюбных «вегетарианцев», вроде Калленов. Таня и ее родственники — я то и дело о них слышала. Прошлой зимой, когда мое появление сделало Форкс небезопасным, Эдвард сам их навещал. Там же нашел пристанище Лоран — самый цивилизованный из спутников Джеймса, вместо того чтобы вместе с ним выступить против Карлайла. В общем, неудивительно, что Элис решила отвезти Джаспера в Денали.

Нервно сглотнув, я пыталась избавиться от образовавшегося в горле комка. Чувство вины сутулило плечи и не давало поднять глаза. Боже, из-за меня они сорвались с насиженного места! Я как чума, самая настоящая чума...

— Рука болит? — заботливо спросил Каллен.

— Кого волнует чертова рука? — раздраженно пробормотала я.

Он не ответил, и я закрыла лицо руками.

К концу дня молчание стало просто нелепым. Нарушать его не хотелось, но, похоже, выбора не было, если, конечно, я рассчитываю продолжить общение с Эдвардом.

— Приедешь вечером? — поинтересовалась я, когда он молча провожал меня до пикапа.

— Вечером?

Хорошо хоть удивился!

— Я же работаю! Мы с миссис Ньютон поменялись сменами, чтобы освободить вчерашний день.

— Ах да... — пробормотал Эдвард.

— Так приедешь, когда я вернусь домой? — Я очень боялась, что нет.

— Если хочешь.

— Конечно, хочу, как всегда! — напомнила я, пожалуй, даже с чрезмерным пылом.

Надеялась, он засмеется, улыбнется... хоть как-то отреагирует.

— Ну, тогда ладно, — равнодушно проговорил Каллен, чмокнул в щеку, захлопнул дверцу и грациозно, как танцор, зашагал к своему «вольво».

Отчаянно борясь с паникой, я выехала со стоянки.

Время, Эдварду просто нужно время. Может, он грустит, потому что семья разъезжается? Но ведь Элис с Джаспером скоро вернутся, и Эмметт с Розали тоже. Если нужно, близко не подойду к белому дому у реки, ноги моей там не будет. Это совсем не важно: с Элис мы будем в школе видеться. Она ведь вернется в школу, верно? Да и к нам домой постоянно заходит... Она же не разобьет сердце Чарли, неожиданно перестав навещать?!

По Карлайлу тоже скучать не придется: в операционную я попадаю с завидной регулярностью. Если разобраться, вчера вечером ничего страшного не произошло. Все в полном порядке... Подумаешь, упала! Со мной такое происходит сплошь и рядом. Пустяк по сравнению с тем, что случилось весной. Джеймс тогда высосал все силы, я чуть не умерла от кровопотери, и все-таки бесконечные недели в больнице Эдвард переносил куда лучше, чем нынешнюю ситуацию. Может, потому, что на этот раз пришлось бороться не с врагом, а со сводным братом?

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)